

СТЕНОГРАММА

четырееста двадцатого заседания Совета Федерации

10 октября 2017 года

Зал заседаний Совета Федерации.

Председательствует Председатель Совета Федерации

В.И. МАТВИЕНКО

Председательствующий.

Коллеги, сегодня в рамках нашей традиционной рубрики "время эксперта" перед нами выступит советский и российский писатель, драматург, сценарист, телеведущий **Радзинский Эдвард Станиславович**.

Эдвард Станиславович в 1959 году окончил Московский государственный историко-архивный институт. Широкая известность к Эдварду Станиславовичу пришла после премьеры в театре имени Ленинского комсомола его пьесы "104 страницы про любовь". По этой пьесе им был написан киносценарий широко известного и любимого в Советском Союзе фильма "Еще раз про любовь", в котором в главных ролях снялись народная артистка СССР Татьяна Дорониная и народный артист РСФСР Александр Лазарев.

В 90-х годах на московской сцене одновременно шло девять спектаклей по пьесам Эдварда Станиславовича. Его пьесы шли в 12 странах мира, в том числе во Франции, Дании, Финляндии, Японии и других. С 90-х годов Эдвард Станиславович пишет произведения о трагических периодах русской и мировой истории, о знаменитых исторических личностях. Его книги были напечатаны в крупнейших мировых издательствах, переведены на множество иностранных языков. Мировыми бестселлерами стали написанные им биографии

российских императоров Александра II и Николая II, Григория Распутина, Иосифа Сталина.

Более 10 лет Эдвард Станиславович вел телевизионный цикл передач "Загадки истории" на телеканале ОРТ, был автором и ведущим проектов "Боги жаждут", "Династия без грима" на телеканале "Культура".

Уважаемый Эдвард Станиславович, я хочу Вас поблагодарить за то, что Вы согласились выступить в Совете Федерации в рамках нашей рубрики. Знаю, что у Вас были другие планы, и Вы, чтобы прийти к нам и выступить, их несколько изменили и отменили. За это еще раз Вам огромная благодарность.

Прошу Вас, Вам слово. Прошу Вас на трибуну, Эдвард Станиславович, чтобы все Вас не только слышали, но и видели. Пожалуйста, Вам слово.

Э.С. Радзинский, советский и российский писатель, драматург, сценарист и телеведущий.

Спасибо, потому что это для меня и испытание, и честь. Но здесь есть одна проблема, конечно: я не очень хорошо знаком с "сестрой таланта", поэтому, когда у меня закончится время, я прошу сказать мне об этом.

Председательствующий. Да, 30 минут, для того чтобы у Вас все было в порядке с "сестрой таланта".

Э.С. Радзинский. 30 — вряд ли, но мы постараемся что-то... Я расскажу именно что-то.

Вы знаете, французский король Луи-Филипп обратился к главе парижского суда с просьбой об услуге. И судья ответил: "Ваше Величество, к сожалению, суд услуг не оказывает — суд выносит приговор". И вот так же история. И когда во имя политических очень важных, идеологических целей историю просят об услуге и места, где государственный корабль потерпел кораблекрушение, объявляются

местами побед, то история умирает — остается хорошо знакомая нам политика, обращенная в прошлое.

Есть сейчас такая очень утешительная формула, ее постоянно повторяют в преддверии 100-летия революции: "Революцию задумывают романтики, осуществляют фанатики, а пользуются ею мерзавцы и негодяи". Вы знаете, насчет первого и последнего — может быть, но количество революционеров немного больше. В революции революционером участвует очень часто власть.

Когда случилась Февральская революция... Представляете, 300-летняя империя, и в три дня по всей стране кончилась 300-летняя империя. Публицист писал, что мужик сдул эту самую империю, как пушинку с рукава, за три дня. Наш великий публицист удивлялся, он говорил: "Ну как это так? Было, было — и как не было. 300-летняя империя сдулась за три дня! Газету дольше было закрыть, чем великую империю".

На самом деле этот революционный процесс проходил почти 100 лет. В 1825 году морозным ранним утром они же вышли на Сенатскую площадь. Они же, наша гвардия, поступили не как в течение 100 лет — приглашали на престол даму за дамой, правда, иногда не без крови,— они же вышли поменять систему правления, они же вышли, чтобы страна стала или конституционной монархией, или, страшно сказать, республикой в 20-х годах XIX века. И если в этом у них были разногласия, то в одном вопросе они все были едины — это касалось позорнейшего крепостного права.

И вступивший на престол Николай I, который всё это закончил пушками, занялся... Он услышал эти требования, но занялся он (правильно, у него удавили отца и деда) созданием крепкой вертикали власти. И ему удалось, и уже очень скоро были созданы эти замечательные силовые структуры — третье отделение, корпус жандармов. И он уже мог сказать: "В России всё молчит, ибо

благоденствует". И он уже смог сказать, создав "чугунный" цензурный устав: "Я не только не позволю ругать свое правление — я не позволю его хвалить, я никому не позволю вмешиваться в свою работу".

И вот сейчас мы быстренько так — времени-то у меня нет — перелистнем все царствование подальше, к концу. Ну и что? Чем кончилось-то? А кончилась империя фасадов, как сказал современник, как повторил Герцен, как повторят множество историков. Кончилась империя необычайной красоты дворцами Росси, великолепным императорским балетом, гвардией, похожей на балет. Но за фасадами был "черный двор", где было 90 тысяч бюрократов, и страной уже правила не аристократия, а бюрократия, гоголевский чиновник правил страной с двумя законными детьми бюрократии — взяткой и коррупцией.

И уже государь говорил: "В империи не воруют только двое — я и наследник". А потом будет финал — Крымская война, где воевал лучший солдат мира, о котором Фридрих Великий сказал, о русском солдате: "Его мало убить, его надо еще и повалить потом, они мертвые стоят". Они окажутся с обмундированием, с амуницией, с техникой 1812 года, и рядом с ними будет, как говорил современник Анненков, римских масштабов воровство. Чтобы получить вооружение, откат в 6—8 процентов считался благодеянием.

Так заканчивалась империя. И уже государь, умирая, произнесет эту замечательную фразу: "Оставляю тебе команду не в надлежащем порядке, оставляю тебе много забот и хлопот".

Но нас интересует другое — иноземец маркиз де Кюстин, написавший книгу о России во время цветения этой империи фасадов, заметил: "Не пройдет и 50 лет, как в этой стране будет революция, притом намного ужаснее, чем та, которая была в Европе". А маркиз де Кюстин был знаток революции — у него и деда, и отца революция французская гильотинировала. Но почему? При чем революция-то? А

вот на этом "черном дворе", где правили коррупция и взятка, еще было самое страшное – крепостное право. Вы понимаете, для нас оно (эти слова со школы мы повторяли тысячу раз) ничего не значит, а оно значило все. Большая часть страны были рабами, причем это были не негры завезенные, а это были соотечественники: Маша, Ваня, Петя, их можно было продать. Вот статский советник Грибоедов пишет: "Тот Нестор негодяев знатных, толпою окруженный слуг; усердствуя, они в часы вина и драки и честь, и жизнь его не раз спасали: вдруг на них он выменял борзые три собаки!!!" Середина XIX века!

Так почему же? Что, Николай не знал? Да знал! Отлично знал! Устраивал комиссию за комиссией, но комиссия у нас чувствует, когда государю нужно делать, а когда нужно толочь воду в ступе, и они толкли эту воду в ступе. Почему?

А как же?.. А Екатерина Великая (не помните?), при которой были великие свершения и великое крепостное право. Оно же достигло при ней апогея! Она же писала потом Вольтеру об этих замечательных отношениях патриархальных, которые были у помещика с крепостными. Она Вольтеру писала, что каждый крестьянин у нас имеет курицу на обед, а привередливые – индейку. А что она писала-то для себя в записных книжках? Вы только послушайте: "В каждой семье есть железный ошейник, цепи и прочие орудия для пытки этого несчастного класса. И, если вы скажете, что они тоже люди, – вас забросают камнями". "Сколько я вынесла от этих безрассудных и жестоких людей! – пишет она, – На уложенной комиссии, когда пошли какие-то меры с просьбой облегчить, добрейший человек Александр Сергеевич Строганов, граф, с какой яростью и ненавистью выступил! Из 600 с лишним человек, дай бог, – пишет она, – 20 мыслили гуманно, как люди."

Так что она знала, что она может делать и что нет. Она знала, чего хочет правящий класс. И Николай, у которого удавила гвардия,

как я уже сказал, отца и деда, тоже знал правила, не посмел и, оставив команду в ненадлежащем порядке, передал это Александру II, который сделал это. И это не слова, когда он говорит про пороховой погреб, когда он говорит, что, если не дать им свободу сверху, они возьмут ее снизу. Это не слова, это жизнь. И он это сделал, обрушив весь уклад жизни страны.

Ну, чтобы рассказывать о перестройке Александра II, наверное... Это интереснейшая тема. Там не только слова "гласность", "оттепель" зазвучали как бы из будущего, слово "интеллигенция" изобрели — нет, там лежат грабли, на которые мы наступали во время перестройки много раз. Они нам оставили это! Поэтому это отдельная тема, я так, кратко, опять же галопом по европам.

Первый день перестройки Александра II (помните?) — все счастливы, ну, все! Бедный император выйти не может из дворца — толпа стоит, приветствует. И второй день перестройки — выясняется, что все недовольны: крестьяне (не ту свободу дали, что-то утаили), дворяне (зачем ковчег предков разрушили?) и молодые люди (они захотели сразу парламента в стране, где четыре пятых или три четверти неграмотных). И уже начались пожары в Петербурге, восстания крестьян. И Александр, который дал свободу университетам, находит прокламацию, где ему пишут, что нам не нужно ничтожество в горностаевой мантии, нам нужен выборный старшина. И если он не поймет этого, то революция беспощадная, и призывы бить императорскую партию, бить ее на площадях и в переулках. И что он думает? Наверное, то, что и Горбачёв думал, и то, что любой реформатор думает: а зачем я это все начал? И он делает простое — он останавливает реформы, а реформы, к сожалению, начинать опасно, но останавливать их еще опаснее. И молодые люди не согласятся.

Ну, я не буду рассказывать вам, как была создана эта самая страшная террористическая организация — "Народная воля". Сначала,

представляете, на глазах мира в царя стреляют в Летнем саду еще до народовольцев, потом из окон его собственного дома, Зимнего дворца, будут видеть, как царь всея Руси зигзагами убегает, а за ним бежит террорист и шесть раз в него стреляет. Потом запретят ездить по железной дороге — взорвут — чудом останется жив, а потом взорвут внутри дома.

И за это время будет множество повешенных. И будет этот страшный путь "чистейших сердцем". Они будут превращаться в убийц. И вы знаете, здесь, когда я об этом говорю, вспомним с вами, вспомним замечательное время Николая I и слова министра просвещения о том, что он будет считать свою миссию выполненной, если детство России продлится еще 50 лет. Вы понимаете, Александра II учили: людьми необразованными очень легко управлять, но еще легче этих необразованных превратить в мятежников. Так что заслуга министра просвещения Уварова и Николая I в создании в будущем "Народной воли" — большая!

Ну и дальше что же? Читайте Достоевского. Он определил состояние России — "колеблясь над бездною". И, как символ, в квартире, где будет жить Достоевский, за его стеной, за стеной кухни, будут собираться террористы и вслух читать письмо Нечаева — его героя, "беса". Вот так — "колеблясь над бездною".

И чтобы было понятно, что происходило, великий князь Александр Михайлович напишет: "Мы жили в осажденной крепости. Входит камердинер с кофе — а я не знаю, не подсыпал ли он туда чего-то. Истопник пришел чистить камин — а не заложил ли он туда адскую машину?" Накануне 20-летия, юбилея отмены крепостного права из Петербурга поехали прочь кареты и были слухи, что будут пускать воздушные шары с динамитом. Вот так двигалась Россия к революции.

И вы знаете, Александр II — велик. Он велик в начале, и он велик в конце. Вот он вешал, вешал, работали эти суды. И он понял простую вещь, которую не хотел понять, — внизу было рабство, а теперь — свобода. А наверху рабство-то осталось — называется "самодержавие". Гармония разрушена. И он, вы только послушайте, понял: чтобы спасти самодержавие, придется его ограничить. И он решил повернуть Россию к конституции. Отсюда Лорис-Меликов, его псевдоним практически. Убили, потому что в этот момент... Это удивительно. Вы знаете, путь в свободу — это путь через пустыню Моисеев описанный. Там множество хочет уйти обратно, так положено. И к концу его царствования его не любили все, его ненавидели, естественно, испугавшись, революционеры.

А вот это кто писал? "Господь послал его нам на беду России... Мне претит смотреть на него". Нет, это уже не революционер, это третий человек, наверное, в государстве после него и наследника, Победоносцев, воспитатель его сына. "Мне претит смотреть на него". "Господь послал его (императора!) нам на беду России". Убьют. А когда убьют, товарищ министра внутренних дел Черевин скажет, что хорошо, что его убрали, что он ему многим обязан, но "бог знает, до чего он довел бы нас своими реформами".

И пришел Александр III, замечательнейший человек, с юмором большим. Первое, что он сделал, — конституция? "Это чтобы я присягал каким-то скотам?!" И повернули, к восторгу населения. Вперед — это значило назад. Вперед — это не к конституции, а это во времена Николая I. Нравится? Добрый царь. И если учесть то, что происходило в его царствование не по фильму "Сибирский цирюльник", а по Блоку, современнику, который писал: "В те годы дальние, глухие в сердцах царили сон и мгла: Победоносцев над Россией простер совиные крыла"... И конец: "И у волшебника во власти она (Россия) казалась полной сил, которые рукой железной

зажаты в узел бесполезный..." Это называется застой, друзья. Застой. И в конце этого благополучного царствования без взрывов он понял замечательную вещь, и это очень важно: воевать нельзя.

Но в конце этого царствования у него состоялся разговор. Дело в том, что правителям дано, как, наверное, животным, чувствовать будущее землетрясение. И он, у которого все нормально — они же с Победоносцевым "заморозили" Россию, гниение прекратилось, правда, ничего не растет, — говорит: что-то неладно у нас в России. И его генерал-адъютант (это придворное звание, это не адъютант, это фаворит) Отто Рихтер произносит монолог, который надо выучить наизусть всем, кто думает об истории России. Он говорит: "Представьте себе, государь, котел, в котором кипят газы, а вокруг ходят заботливые люди с молотками и старательно заклепывают любое отверстие. Но однажды, государь, газы вырвут такой кусок, что заклепать Вам будет нельзя". И он пишет, Рихтер: "И государь застонал, как от боли, и ничего не сделал". И при сыне рвануло.

Ну, вот что?.. "Николая, — напишет его сестра, — не готовили к правлению, он не посещал даже заседания Государственного совета". Вы знаете, неправда, посещал, и заседания Кабинета министров посещал. Голоса его никто не слышал. Голос Александра III, знаете, как слышен был? Он же бился с Александром II, отцом. А здесь был — и вроде нет. И он взошел на престол.

И вот здесь, вы знаете, как сразу — Ходынское поле... Это же не просто погибли 2 тысячи. Это сигнал. Система сообщила о беспорядке, потому что самодержавие — это система, при которой наверху должны быть хозяин и страх. При Александре III никаких "Ходынок" бы не было. Сергей Александрович, великий князь, сам бы закапывал эти ямы. А здесь можно.

И дальше пошло. В начало века убьют двух министров внутренних дел (это фактически премьер-министр России), министра

просвещения, генерал-губернатора Финляндии. Что он пишет? "На то его святая воля". И уже жена Сергея Александровича Елизавета Федоровна пишет ему: "Надо что-то делать, потому что уже скоро перестанут думать, что ты добр, а будут думать, что ты слаб". Слабый царь.

Вы знаете, провидение, история (сами выберите, что хотите, как называть, кто как верует) относились к нему с невероятной заботливостью. Ведь, вы представляете, он вступил на престол, а в 1898 году было настоящее предсказание, невиданное. Человек по фамилии Блюх Иван Станиславович, олигарх, который тратил большие деньги на книги, собрал статистиков, экономистов и представителей генеральных штабов главных стран – России, Германии, Франции. И они написали шеститомный труд "Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях". Там предсказаны все вооружения, которые будут. Как будут воздушные битвы проходить? Что такое танки будут? Там всё! Но не это интересно. Интересен итог: так как это будет война с невиданными средствами уничтожения, там будут фронты на много километров, которые будут и застывать, потому что ни назад, ни вперед идти невозможно, всё будет унавожено человеческими телами. И будут гекатомбы человеческих жертв. И они, раненные, вернутся с войны, и они потребуют. И он объяснил, что будут крушения великих монархий, если будет мировая война.

И кто обратился к народам? Кто созвал мирный конгресс? Наш царь Николай II. А что произошло буквально через несколько лет? В Маньчжурии начали захватывать земли мы. А это означало, что Япония начнет с нами войну. И когда Куропаткин пришел к нему с докладом, что нельзя воевать, он, предупрежденный, эту войну начал. Почему? Нет, он ответил на нападение японцев, но причина-то была, он ее знал. Почему? А вот почему. Когда Куропаткина вызовет Плеве, министр внутренних дел, он объяснит, он скажет: "Вы не знаете

нашего внутреннего положения. Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война". И война состоялась, и из нее "выпрыгнула" первая русская революция.

И вот смотрите опять, как необычайно заботятся о нем. Ему показали все, что будет в 1917 году: армия на фронте, парализованная забастовкой страна. И приходит Витте, и буковки, конституция, в общем, умеряют страну. Ну а далее, вы знаете, что было на следующий день: начали отнимать все, что дали этой конституцией. И Витте пал. И придет Столыпин. Ни один из Романовых (вы представляете, как ему везет?) не имел двух великих министров. И приходит Столыпин, и "столыпинские галстуки"... *(Микрофон отключен.)*

Председательствующий. Эдвард Станиславович, я очень извиняюсь. Очень жаль прерывать Вас. Замечательное выступление. В зале муха пролетит — не слышно будет, с таким вниманием сенаторы Вас слушают. Поэтому просьба завершать. А может быть, мы с Вами договоримся цикл таких выступлений сделать в последующем? Это было бы очень интересно для нас. *(Аплодисменты.)*

Э.С. Радзинский. И, заканчивая... Потом будет вторая война, как вы знаете. И наша беда не в том, что была революция, а в том, что она случилась слишком поздно, что вместо той "революции сверху" у нас будет самая страшная революция, которая вырвется из крови двух войн (двух войн!): одной — Русско-японской, вначале, а потом и самой страшной — Первой мировой войны. И революция эта будет такая же кровавая, как эти войны. Но после каждой революции приходит смиритель. Во Франции это Наполеон, в Англии это Кромвель. И у нас пришел. И русские поэты, которые у нас пророки вместо историков и политиков...

Блок писал в 1903 году: "— Все ли спокойно в народе? — Нет. Император убит. Кто-то о новой свободе на площадях говорит..." (Революция.) "— Кто же поставлен у власти? — Власти не хочет народ.

Дремлют гражданские страсти: слышно, что кто-то идет. — Кто ж он, народный смиритель? — Темен, и зол, и свиреп: инок у входа в обитель видел его — и ослеп. Он к неизведанным безднам гонит людей, как стада... Посохом гонит железным... — Боже! Бежим от Суда!"

Не убежали, как вы знаете. Спасибо. *(Продолжительные аплодисменты.)*